

тальческой жизни съ такимъ же трепетомъ, какъ и эти арабы, прислушивался къ страшнымъ завываніямъ совъ и филиновъ... Я помню, какъ тогда у меня замирало и трепетало сердце, какъ стучало въ вискахъ, какъ холодило въ головѣ, и волосы какъ-то ерошились невольно, когда пятнадцати-лѣтнимъ юношей, забредшимъ ночью въ дикую тайгу и заночевавшимъ у костра, я прислушивался къ крикамъ и стонамъ лѣшихъ и русалокъ, какъ называютъ на Руси темныхъ ночныхъ виртуозовъ лѣса. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; позже я уже часто съ удовольствіемъ слушалъ концерты совъ и филиновъ въ нашихъ сѣверныхъ лѣсахъ на охотничьей сидбѣ въ короткія весеннія ночи; но въ ночь афритовъ и я поддался отчасти чувству, какъ и десять лѣтъ тому назадъ. Обстановка была, правда, самая располагающая. Кругомъ меня въ пустынѣ творились молитвы, усердно призывалось имя Аллаха, какъ заклинаніе, шепталось «ля-иллехи-иль-аллахъ», и трепетно всѣ прислушивались въ эту ночь злыхъ духовъ, какъ будто ждали появленія неземныхъ существъ. Съ такимъ священнымъ трепетомъ древніе жрецы и заклинатели ожидали появленія изъ мрака своихъ божествъ или духовъ, которыхъ они вызывали. Легкое замирание костра, всполошившійся лагерь, безмолвіе пустыни и мертвецъ, лежащій среди живыхъ, какъ нельзя болѣе способствовали тяжелому состоянию духа у суевѣрныхъ и безъ того арабовъ.

Худхудъ все еще не умолкалъ; его дикіе, заунывные и рѣзкіе крики, то приближаясь, то отдаляясь, одни нарушали безмолвіе пустыни. Немного прошло еще времени, вѣроятно казавшагося часами для трепетавшихъ хаджей, какъ другой, тянущій душу вой жалобно раздался не вдалекѣ отъ нашего каравана; казалось, эхо въ недалекомъ дикомъ ущельѣ усиливало этотъ отвратительный звукъ.

— Это шайтанъ (чортъ), это ел-таабъ (гѣна), это марафилъ (оборотень), — раздался шопотъ вокругъ меня. — Да проклянетъ его аллахъ! Это не звѣрь, а марафилъ (оборотень) и саахръ (волшебникъ); у-аллахъ (клянусь Богомъ)! клянусь великимъ пророкомъ — проговорилъ, возвышая голосъ Абдъ-Алла, — онъ не обманетъ меня. — Слышишь, благородный хакимъ (врачъ) москоть, какъ воетъ сынъ проклятаго; такъ не можетъ быть звѣрь; въ эту ночь афритовъ свободно живетъ проклятому!

Еще сильнѣе зашептали молитвы перепуганные члены каравана; даже верблюды какъ-то громко зафыркали и зачихали, будто сочувствуя своимъ хозяевамъ въ дѣлѣ прогнанія нечистой силы отъ становища. Злой же саахръ, какъ будто не слуша-